

ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ НИКИТИН

доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания факультета русской филологии Историко-филологического института, Московский государственный областной университет (Москва, Российская Федерация)
olnikitin@yandex.ru

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТИЯ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОГО И ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКОВ» Ф. И. БУСЛАЕВА КАК ПАМЯТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ XIX ВЕКА

Предлагается аналитический обзор знаменитого труда Ф. И. Буслаева «Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков». Приводятся факты его создания. Рассматриваются структура и содержание работы. Отмечаются ее роль в формировании профессиональной культуры филолога и влияние на последующую традицию подготовки историко-лингвистических хрестоматий. Особый акцент делается на научной ценности первой полной хрестоматии исторических памятников и той традиции, которая получила развитие после публикации Ф. И. Буслаева.

Ключевые слова: история языкознания, славистика, памятники письменности, народная словесность, учебная литература

Имя Ф. И. Буслаева, знатока и радателя традиционной народной культуры, педагога-новатора (см. [1], [2], [3]), вдохновлявшего своим живым примером и любовью к словесности не одно поколение учителей, уже давно вписано в историю отечественного языкознания как первопроходца компаративистики.

Среди его трудов особое место занимает «Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков»¹, которая была выпущена как раз в период становления национальной системы филологического образования, все больше обращавшего внимание на пользу изучения источников русской письменной и устной культуры, ее подлинных шедевров. Многие из них хранились долгие годы под спудом архивов и библиотечных собраний. Ф. И. Буслаев словно подхватил призыв академика А. Х. Востокова издавать памятники старины, открывать уникальные собрания древностей, сделать их достоянием общественности, включить эти факты в контекст научных дискуссий и позволить прикоснуться к редким документам и произведениям народного творчества широкой аудитории читателей, воспитывать их в новых просветительских традициях и прививать им любовь к Отечеству².

В начале 1850-х годов Ф. И. Буслаев задумал подготовить «на основании наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений, высочайше утвержденного 24-го декабря 1848 года» два больших труда: первый впоследствии получил название «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858), а второй – «Историческая хрестоматия...» (1861). Это требовало от ученого не только основательных знаний по «памятниковедению», но и поисков редких источников, их отбора и расшифровки, систематиза-

ции материала. Такая кропотливая работа продолжалась около десяти лет. К середине 1850-х годов в целом была готова концепция «русской грамматики сравнительно со словенскою», как называл ее Ф. И. Буслаев в письме к В. И. Григоровичу от 8 марта 1855 года. С душевным волнением он сообщал о невероятных трудностях в подготовке этого издания:

«...» однако скажу Вам, что были у меня такие времена, что не только не мог писать писем, но мало говорил, и это случалось по несколько месяцев. Года два тому назад я чувствовал себя в страшной пытке, когда, изготовив 1-ю часть русской Грамматики, сравнительно со словенскою, я почувствовал живо, сколько еще нужно приуготовить работ для того, чтобы составить учебник, на основании современных требований науки, в том идеальном совершенстве, которое чувствуется, но которого привести в исполнение нет возможности (ОР РГБ. Ф. 28. Картон 4. Ед. хр. № 28. Л. 5 об.–6).

Из письма Ф. И. Буслаева В. И. Григоровичу понятно, что эта работа растянулась на несколько лет: в начале ее ученый готовил первую часть «Опыта исторической грамматики», которая была задумана в русле новых компаративистских тенденций в науке тех лет, – то, чем он «заразился» еще в молодости от своих учителей И. И. Давыдова, М. П. Погодина и др., открывая для себя труды основоположников сравнительного изучения языков – В. фон Гумбольдта, Я. Гримма, Ф. Боппа.

Затем Ф. И. Буслаев разрабатывал вторую часть – синтаксис. Вот как он писал об этом В. И. Григоровичу в том же послании:

Гораздо легче было мне работать над 2-ю частью, т. е. над Синтаксисом, хотя и приходилось почти на каждом шагу прорубать новый путь в темном лесу страшной груды выписок, начиная от рукописей XI в. и до Жуковского и Пушкина включительно (Там же. Л. 6).

Потом Ф. И. Буслаев принялся за работу над собранием текстов памятников церковной, деловой и народной словесности, имея уже значительный практический опыт использования рукописного материала и изданных документов для учебных и научных целей. Он поделился своими сокровенными мыслями с близким по духу соратником – славистом В. И. Григоровичем:

<...> вслед за Грамматикой, тружусь для военно-учебных [заведений] (взятое в квадратные скобки слово восстанавливается нами предположительно, в тексте письма оно замазано кляксой. – О. Н.) над составлением Хрестоматии церковно-славянского и древнерусского языка. У меня накопился богатый запас статей по рукописям (Там же. Л. 6 об.).

Это действительно так: Ф. И. Буслаев отлично знал особенно московские библиотеки и хранилища и находился в кругу просвещенных филологов, историков, архивистов, которые в той или иной мере помогали ученому и направляли его исследовательские интересы. В их числе в «Предисловии» к «Исторической хрестоматии» он с благодарностью упоминает О. М. Бодянского, А. Ф. Бычкова, А. Е. Викторова, А. В. Горского, В. И. Григоровича, И. Е. Забелина, князя М. А. Оболенского, А. Н. Пыпина, синодального ризничего архимандрита Савву, графа С. Г. Строганова и Н. С. Тихонравова.

Итак, в 1861 году была напечатана внушительная в 1632 столбца «Историческая хрестоматия» Ф. И. Буслаева. В «Предисловии» к своему труду ученый писал:

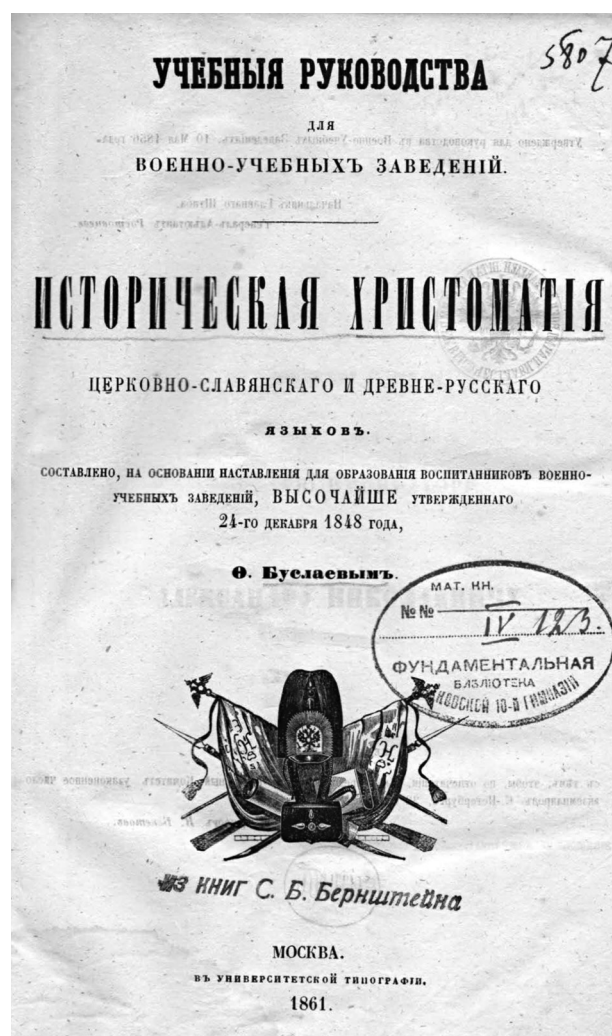
Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков имеет двоякое назначение: во-первых[,] служит руководством к изучению этих языков и, во-вторых, предлагает образцы для древнего периода истории нашей словесности. В первом отношении эта Хрестоматия состоит в связи с Опытном исторической грамматики русского языка, во втором с Историею русской литературы г. Галахова, принятою в числе учебных руководств для военно-учебных заведений³.

Книга состояла из двух больших разделов – «отделений». В первом Ф. И. Буслаев поместил отрывки из Священного Писания и богослужебных книг, «начиная с древнейших письменных памятников до исправленного текста Библии»⁴. Во втором содержались другие произведения церковно-славянской и древнерусской литературы. Все памятники Ф. И. Буслаев расположил в хронологическом порядке: с XI по XVI век – в «Отделе первом», с XI по XVII век – в «Отделе втором».

Большой интерес представляют также два приложения к «Исторической хрестоматии»: «Памятники народной словесности XVIII в.» и «Образцы современной народной словесности».

Важной особенностью этой энциклопедии письменной культуры является публикация новых текстов, которые значительно обогатили свод уже имеющихся изданий и в таком объеме

в книге учебного характера выпускались впервые. Для Ф. И. Буслаева было важно не только показать определенный стандарт жанра, так сказать, канонический стиль эпохи, но и дать своим читателям представление о богатстве словесно-изобразительных красок, расширяющих сведения о языке древних памятников. Потому, например, в «Отделе первом», наряду с восточковским изданием «Остромирова Евангелия» он поместил отобранные специально для своей «Исторической хрестоматии» тексты толковой Псалтири, галицкого списка Евангелия, служебников Антония Римлянина, Варлаама Хутынского и митрополита Киприана, разные списки библейских книг и сборников религиозного содержания. Этот «Отдел» по преимуществу и составили новые тексты, изданные автором впервые.

Титульный лист «Исторической хрестоматии» Ф. И. Буслаева

Ф. И. Буслаев снабжал свои публикации качественным и весьма подробным палеографическим, историческим, лингвистическим комментарием, указывая разночтения, нюансы графического орнамента, передачу звуков на

письме, особенности использования грамматических форм и т. д. Ученый также давал общую лингвокультурную оценку памятнику и разъяснял элементы его структуры и текстологии. Например, комментарий к публикации глав из «Остромирова Евангелия» открывается такой фразой:

Остромиров список Евангелия из всех памятников русской письменности в наибольшей чистоте удержал особенности древнейшего болгарского текста, с которого был списан. <...>

Русских особенностей встречается больше в Послословии и в Синаксарии, нежели в самом тексте Евангелия.

Это Евангелие *Недельное* (Апракос), то есть расположенное не по евангелистам в последовательном порядке глав, а по неделям, начиная с Пасхи. Между текстами Евангелия помещен Синаксарий, то есть краткое извещение о праздниках и святых, расположенное по неделям и месяцам⁵.

Издавая текст из сборника, принадлежавшего Императорскому московскому обществу истории и древностей российских («Притчи Соломоновы»), ученый замечал, что

он отличается признаками глубокой древности, как это явствует из сличения его с исправленным. Правописание отличается особенностями болгарского оригинала, с которого списывал русский писец. Употребляются юсы, хотя и не всегда правильно⁶.

«Отдел второй» – лебединая песня вдохновенной буслаевской стихии слова, в которой он смог выразить лучшие свои идеи, дать полноценную панораму древней и новой «физиологии» текстов. Эта часть, на наш взгляд, наиболее интересна и оригинальна, так как впервые представляет всю палитру художественных орнаментов и стилистических рисунков древнерусских памятников, как известных – «Изборника Святослава», «Супрасльской рукописи», «Синайского патерика», списков «Кормчей книги», «Златой Цепи», «Пчелы», «Златоструя», но представленных часто в рукописных подлинниках, так и редких, только входивших в филологическую культуру того времени. К последним можно отнести корпус текстов делового содержания, начиная с «Грамоты великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславовича» XII века и завершая судебными «смехотворными» повестями и шутилой челобитной XVII века. В «Исторической хрестоматии» впервые в таком объеме даются образцы приказной литературы, которая в начале XIX века в историко-лингвистических целях была изучена слабо и не входила в культурный слой источников (см.: [4]). Ф. И. Буслаев же, напротив, показал богатство ее жанров и трансформаций, влияние на формирование стилей литературного языка. К числу таких памятников отнесены публикации текстов «Судебника» 1550 года, отчета посла времени Ивана Грозного, духовные грамоты, «Уложение» царя Алексея Михайловича и др. Даже период включительно по XV век, где не было такого

разнообразия литературных жанров, освещен Ф. И. Буслаевым очень подробно и познавательно: от летописей и монастырских сборников до «Слова о полку Игореве», «Моления» Даниила Заточника, «Хронографа» 1494 года, хождений и сочинений по физике Земли и телесным наукам.

Полагаем, что исследователям и студентам-филологам XXI века здесь будут полезны прежде всего комментарии ученого к изданным текстам, показывающие живой интерес Ф. И. Буслаева к каждому памятнику, его внимание к деталям, недюжинное филологическое чутье и талант самобытного ученого и педагога. Фрагмент Волинской летописи по Ипатьевскому списку сопровождался таким пояснением:

Волинская летопись отличается от прочих поэтическим изложением и украшенным слогом.

Правописание Ипатьевского списка русское. Местные особенности выговора обозначались в обоюдном переходе звуков *ц* и *ч*, *у* и *в*, *ѣ* и *и*⁷.

Далее автор «Исторической хрестоматии» разъяснял отдельные слова и выражения, например:

Самодержьца всея Руси: любопытное выражение, важное для истории царского титула. *Самодрьжьць* есть перевод греческого *αὐτοκράτωρ*; встречается уже в древнейших славянских памятниках⁸.

В другом месте Ф. И. Буслаев почти восклицал:

Замечательно, что для переговоров посылается певец (*судьць* – музыкант). Он должен петь песни половецкие, имеющие чарующую силу убеждения. Если же не подействуют песни, подействует зелье *евшань*⁹.

За публикацией фрагмента «Слова о полку Игореве» следовала целая статья ученого, рассказывавшая об истории нахождения этого уникального памятника и его судьбе, об общих языковых особенностях, о сюжете. Между прочим, он замечал:

...соединение древнейших признаков языка и правописания с позднейшими свидетельствует ясно, что этот памятник дошел до нас в позднейшем списке (XIV–XV в.), переписанном с древнейшего оригинала¹⁰.

Высокий исследовательский пафос содержат слова Ф. И. Буслаева о Бояне, о художественных достоинствах текста. Он словно проникал в душу неведомого автора:

Поэтическая часть Слова о полку Игореве имеет значительное сходство с многими произведениями народной фантазии, особенно с южнорусскими. Трудно сказать, кому принадлежит мифическая часть Слова, самому ли сочинителю или Бояну; во всяком случае для нас важно то, что сочинитель XII в. был только проникнут преданиями мифической старины, что по своему произведению распространил суеверное убеждение не только в сочувствии всей природы человеку, но и в чудесной силе и в особенном значении каких-то мифических существ¹¹.

Особенно подробно в «Исторической хрестоматии» представлены произведения XVI

и XVII веков – самый пестрый период в истории русского литературного языка допетровского времени, вобравший в себя и черты церковной книжности, и живые образцы народного творчества, и грамматические сочинения, и публицистику. Вызывает безмерное уважение и сейчас внимание Ф. И. Буслаева к «историческим хроникам» языка, запечатленного сразу в нескольких пространствах культуры. Он как будто находился, выражаясь словами Ю. М. Лотмана, «внутри мыслящих миров» – жил со своими героями, сочувствовал им или порицал их, молился за них и ликовал вместе с ними, когда искал «ключ разумения». Ф. И. Буслаев привлекает своих читателей в словесный лимонарь неизведанной поэтики старинных житий, посланий и путешествий.

Наряду с жанрами религиозного характера вроде Четых Миней здесь представлены такие интересные с точки зрения культуры языка того времени произведения, как «Домострой», сочинения князя Курбского, великорусские песни в записях Ричарда Джемса, «Лексикон» Памвы Беринды, «Грамматика» Мелетия Смотрицкого и азбуковник, письмо патриарха Никона и «Куранты», «Космография» и сочинения Симеона Полоцкого, «Урядник сокольников пути» и «Букварь» Кариона Истомина, повести, лечебники, сказания и притчи, апокрифическая литература, получившие распространение в этот период.

По сути дела перед нами целая славянская энциклопедия филологической культуры Отечества в ее лучших образцах. Каждый из них в изобретении Ф. И. Буслаева получил живые черты узорчатого текста, в котором переплетались разные традиции, практические навыки и духовные чаяния русского народа.

Вот, например, что ученый написал в сопроводительной статье об одном примечательном памятнике деловой литературы XVII века:

Урядник сокольников пути есть нечто (так в тексте. – О. Н.) иное, как устав соколиной охоты и всего, что к ней относится. Для истории языка и слога этот памятник предлагает много любопытных подробностей в описании быта охотничьего и обрядов или церемоний, сопровождавших охоту. Обрядом определялись не только действия охотников, но и слова их. Слог отличается удивительною наивностью, особенно там, где составитель Урядника выражает, так сказать, свои эстетические воззрения на красоту охотничьих птиц и на тонкое умение и ловкость охотника¹².

Говоря о сочинениях Иоанникия и Софрония Лихудиев (так у Ф. И. Буслаева), автор «Исторической хрестоматии» указал и на особенности стилистики текста:

В слоге их господствует принятая в то время напыщенность, явствующая уже в самых заглавиях сочинений: *Мечець духовный*, *Манна* и пр. Слич. *щить*, *мечь*, *стрѣла*, *праца*. Язык искусственный, исполненный гречизмов¹³.

Ф. И. Буслаев еще в ранних своих сочинениях «О преподавании отечественного языка» (1844)

и «О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию» (1848) не раз говорил о той высокой духовной силе, о разуме народном, скрывавшихся в таких «безыскусственных» текстах. Для него песни, «всенародные пословицы», древние стихотворения, былины и другие образцы «простой» словесности всегда были теми источниками, с помощью которых он проникал в мифологическое сознание предков, улавливал их душевные переживания, нравственные поиски, видел образы давно ушедших времен, из чего и постепенно слагался, выражаясь словами В. фон Гумбольдта, дух народа. Поэтому и в такой, казалось бы, официальной «Исторической хрестоматии» он остался верен своему филологическому вкусу и творческому вдохновению певца народной культуры.

В «Приложение I» Ф. И. Буслаев включил фрагменты пословиц 1714 года по рукописи М. П. Погодина и сборнику 1746 года, отрывки из «Древних российских стихотворений» по изданию Калайдовича 1818 года, наговор, некоторые сказки из авторитетных собраний и изданий Забелина и Сахарова, подблюдные песни и русские стихотворения 1790–1791 годов, хранившиеся в Румянцевском музее. Показательны стихи о Соловее Будимировиче, Дюке Степановиче, Василии Буслаеве, о Садко в поэтическом изложении неизвестных сочинителей, собранные Киршей Даниловым и прокомментированные Ф. И. Буслаевым.

В «Приложение II» вошли образцы великорусского наречия Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Ярославской и Нижегородской губерний, хороводная песня «закамского наречия», говоры Южной Сибири, духовные стихи. Заключительные страницы издания посвящены краткому обзору элементов белорусского и малорусского (Ф. И. Буслаев употреблял такой термин, принятый в его время) наречий. Интересно, что в этой части он также помещал необходимые комментарии к текстам. Так, например, после публикации сказки, представлявшей собой образец вытегорского наречия Олонецкой губернии, Ф. И. Буслаев заметил:

Особенности этого наречия: 1) *ц* вм. *ч*; 2) *и* вм. *ѣ*, особенно в слове *вси*; 3) *миня*, *сиби* вм. *меня*, *себѣ*; 4) *си* и *се* вм. *ся*; 5) *іонъ*, *іоны* вм. *онъ*, *они*; 6) *ярда* вм. *арда*, т. е. орда (в смысле земли, страны); 7) *мáтышка* вм. *мáтушка*; 8) в род. пад. ед. ч. *-ого* вм. *-аго*¹⁴.

В качестве хрестоматийных материалов для изучения истории русского языка такие тексты исключительно ценны как фрагменты языковой картины мира народа в его бытовом и этнографическом выражении.

XVIII век в основную часть «Исторической хрестоматии» не вошел. Отдельные образцы текстов в небольшом количестве помещены автором в приложениях. Видимо, для середины XIX столетия, когда создавался этот труд, сочинения

А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского, В. Е. Адоурова (см. о нем, напр., [5]), М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова и других филологов и грамматистов не воспринимались как проповедники и слагатели старинной литературы. Это была уже *новая* традиция, реформировавшая древнюю словесность и вводившая другие правила.

Е. Ф. Будде в памятной речи «О заслугах Ф. И. Буслаева как ученого лингвиста и преподавателя» сочувственно замечал:

Эта Христоматия представляет из себя такой громадный и крупный по своему значению *ученый* труд, что уже вскоре не могли без него обходиться ученые специалисты, жившие вдали от главных книгохранилищ и рукописных собраний России. В этой Христоматии помещены отрывки рукописных и старопечатных сочинений и редких изданий из разных книгохранилищ России и расположены в хронологическом порядке так, что всякий занимающийся языком и литературой может следить по этой Христоматии за развитием и изменением русского литературного языка на всем пространстве России, где только была в древности литературная деятельность... В этой Христоматии многие памятники изданы *впервые* в России, и мы по ней можем следить за областными изменениями языка, поскольку последние отражались в письменности. Кроме того, каждый отрывок снабжен в *Христоматии* Буслаева его примечаниями лингвистическими и историко-литературными¹⁵.

Действительно, работа, проделанная ученым в одиночку, была бы по силам нескольким работникам. Но Ф. И. Буслаев взялся сам за такой колоссальный труд, потребовавший от него энциклопедических познаний практически во всех отраслях гуманитарных наук: древней истории и религиозоведения, палеографии и археологии, этнографии и диалектологии, эстетики, филологии, психологии народного творчества, не говоря уж собственно о филологических методах, которые получили блестящее исполнение под талантливым пером Ф. И. Буслаева (см. также: [9: 53–54]).

Академик А. А. Шахматов в статье «Буслаев как основатель исторического изучения русского языка» с большим уважением отозвался об этой работе ученого:

Особенно ярко обнаружится значение Исторической грамматики Буслаева, если мы взглянем на изданную им в 1861 году Историческую христоматию церковно-славянского и древнерусского языков. По мысли автора, христоматия эта должна была служить между прочим руководством при изучении этих *языков*: для этого она поставлена в связь с *Опытом исторической грамматики*. Христоматия содержит в себе тексты, взятые большей частью прямо из рукописей и напечатанные с удержанием всех особенностей древнего правописания, тексты эти относятся к XI–XVII веку. Таким образом, по христоматии можно наглядно изучать все те изменения, которым подвергалась в течение веков наша письменность. В приложениях приведены в высшей степени важные по своему научному значению памятники народной литературы XVIII в., а также образцы современной устной народной словесности. В примечаниях

к каждому изданному тексту находим указание на все важнейшее в историческом изучении языка и литературы. «Таким образом, — говорит Буслаев, — совокупность всех примечаний, расположенных в хронологическом порядке памятников, составляет как бы *историю языка и письменности в практическом изложении* (здесь и далее полужирный курсив наш. — О. Н.)». В этих примечаниях Буслаев не был стеснен школьными рубриками и на живых примерах, действительных фактах, извлеченных из первоисточников, показал, **что дает древний текст или современная разговорная речь для научной грамматики языка**, Буслаев научил вместе с тем будущих исследователей, **как следует оживить мертвую букву, как заставить старинную хартию или полуистлевший пергамен давать свидетельские показания о живом произношении минувших веков, о звуковом и грамматическом строе древнего языка**. На изданных и разобранных текстах Буслаев показал, что изучение русского языка должно быть основано на исследовании древних и современных образцов языка, что **грамматика не предписывает законов словоупотребления, а что она прежде всего регистрирует факты языка и затем дает им сравнительно-историческое освещение**. Таким образом, Буслаев дал нам два издания русской исторической грамматики: в одном из них видим школьное, теоретическое изложение особенностей русской речи, в другом — практическое и научное переложение того же предмета¹⁶.

«Историческая христоматия» Ф. И. Буслаева — целая вежа в лингвистическом «памятниковедении» России. Среди достоинств этой книги, отмеченных современниками и учениками Федора Ивановича, было высказано и такое мнение:

Множество неизданных раньше памятников вошло и в его известную *Историческую христоматию* (так у Миллера, правильно: христоматию. — О. Н.) *церковно-славянского и древнерусского языков* (М., 1861), с многочисленными примечаниями историко-литературными и лингвистическими, что делает эту обширную и давно вышедшую из продажи книгу до сих пор незаменимым пособием для изучения образцов языка¹⁷.

Но и после такого успеха, когда тщанием Ф. И. Буслаева были опубликованы, прокомментированы и введены в учебную практику изданные ранее и оригинальные тексты всего исторического периода развития письменной культуры, работа в этом направлении не прекращалась. Ясно было, что «Историческая христоматия» как учебное руководство — вершина лингвистического источниковедения тех лет, по сути дела разработанный ученым новый жанр пособий по методике изучения церковно-славянского и древнерусского языков, причем не упрощенного, так сказать, адаптированного свойства, а имеющего высокий научно-исследовательский потенциал. Но как быть с теми, кто только начинает обучаться основам исторической грамматики? Для этой цели Ф. И. Буслаев принимается за новый труд, который, хотя и в сокращенном виде, давал ясное представление об эволюционном характере словесности, показывал развитие ее форм и жанров духовного и светского содержания. Он издал «Русскую христоматию» с подзаголовком «Памятники древней русской литературы

и народной словесности с историческими, литературными и грамматическими объяснениями и с словарем»¹⁸, предназначавшуюся для «средних учебных заведений» и выдержавшую более десяти изданий.

Таким образом, классическая «Историческая хрестоматия» Ф. И. Буслаева, изданная только в 1861 году, продолжила свой путь и послужила верным ориентиром не одному поколению гимназистов, студентов и учителей, познававших мир древнерусской письменной культуры и национальной словесности в ее становлении и развитии такой, какой это представлял себе создатель отечественной филологии Ф. И. Буслаев.

Во всей нашей лингвистической практике мы не знаем ничего более интересного, полного, богатого по жанрам и историко-художественным достоинствам собрания текстов для учебной работы, чем «Историческая хрестоматия» Ф. И. Буслаева. Лишь только в конце 1930–1940-х годов этот опыт в какой-то мере был использован С. П. Обнорским и С. Г. Бархударовым ([6], [7], [8]) при подготовке «Хрестоматии по истории русского языка», которая заменила дореволюционную книгу Ф. И. Буслаева, ставшую библиографической редкостью и не использовавшуюся скорее

по идеологическим причинам. Не переиздана она и до сих пор, хотя, по нашему мнению, этот колоссальный труд ученого – не только памятник лингвистической мысли, а историко-культурный феномен, который нисколько не устарел.

Внимание к филологическому прошлому русского народа, глубокая природная связь с ним и отличное знание древних законов, обычаев и обрядов – «юридического и семейного быта», как говорили раньше, позволили Ф. И. Буслаеву, наряду с его талантливыми учителями и современниками А. Х. Востоковым, М. П. Погодиным, И. И. Срезневским и другими учеными, заложить основы *исторического* изучения славяно-русской филологии, сделать эту науку главным звеном в светском и духовном образовании. Многие замечательные ученики Ф. И. Буслаева: Н. С. Тихонравов, М. Н. Сперанский, В. О. Ключевский – продолжили эту традицию, воздавая должное тому, кто первым вступил на широкую дорогу научного изучения памятников словесной культуры, раскрыл их глубокий художественный смысл, заглянул в душу древнерусского автора, расшифровал причудливый слог и сделал его понятным и близким каждому человеку. Этот подвиг Ф. И. Буслаева не забыт и поныне.

СОКРАЩЕНИЕ

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: [Буслаев Ф. И.] Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. Составлено, на основании наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений, высочайше утвержденного 24-го декабря 1848 года, Ф. Буслаевым. М., 1861.
- ² До Ф. И. Буслаева известностью пользовались хрестоматии А. Д. Галахова. См., например: [Галахов А. Д.] Полная русская хрестоматия / Сост. А. Галахов. 3-е изд., доп. Ч. 1–3. М., 1846–1849; [Галахов А. Д.] Историческая хрестоматия церковно-славянского и русского языка / Сост. А. Галахов. Т. 1. М., 1848. Тот же автор издавал свои работы и по поручению военного ведомства. Об этом есть упоминание у Федора Ивановича, см.: Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка. Учебное пособие для преподавателей. Ч. I. Этимология. М., 1858.
- ³ [Буслаев Ф. И.] Историческая хрестоматия... С. I.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. Стлб. 12–13.
- ⁶ Там же. Стлб. 158–159.
- ⁷ Там же. Стлб. 577.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. Стлб. 578.
- ¹⁰ Там же. Стлб. 596.
- ¹¹ Там же. Стлб. 598.
- ¹² Там же. Стлб. 1275.
- ¹³ Там же. Стлб. 1287.
- ¹⁴ Там же. Стлб. 1586.
- ¹⁵ См.: Будде Е. [Ф.] О заслугах Ф. И. Буслаева как ученого лингвиста и преподавателя. Речь, читанная в торжественном заседании Казанского общества археологии, истории и этнографии 28 сентября 1897 года. Казань, 1898. С. 21.
- ¹⁶ Шахматов А. А. Буслаев как основатель исторического изучения русского языка // Четыре речи о Ф. И. Буслаеве, читанные в заседании Отдела Коменского 21-го января 1898 года... СПб., 1898. С. 15–16.
- ¹⁷ Миллер В. Ф. Памяти Федора Ивановича Буслаева // Памяти Федора Ивановича Буслаева. М., 1898. С. 28.
- ¹⁸ См., например: [Буслаев Ф. И.] Русская хрестоматия. Памятники древней и новой литературы и народной словесности с историческими, литературными и грамматическими объяснениями и с словарем. Для средних учебных заведений / Составил Федор Буслаев. Издание одиннадцатое. М., 1909.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондаренко М. А. Методическое наследие Федора Ивановича Буслаева (К 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2018. № 4. С. 42–47.
2. Злобина Н. Ф. Концепция историзма в филологическом наследии Ф. И. Буслаева: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 50 с.

3. Кызласова И. Л. История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф. И. Буслаев, Н. П. Кондаков: методы, идеи, теории). М., 1985. 181 с.
4. Никитин О. В. Русская деловая письменность как этнолингвистический источник (на материале памятников севернорусских монастырей XVIII века): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 455 с.
5. Никитин О. В. Василий Евдокимович Адодуров (К 300-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2009. № 5. С. 104–110.
6. Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка: Пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. Часть первая. Л.; М., 1938. 320 с.
7. Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. Часть вторая. Выпуск первый. М., 1949. 292 с.
8. Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. Часть вторая. Выпуск второй. М., 1948. 342 с.
9. Смирнов С. В. Ф. И. Буслаев. М., 1978. 96 с.

Nikitin O. V., Moscow State Region University (Moscow, Russian Federation)

**“HISTORICAL ANTHOLOGY OF CHURCH SLAVONIC
AND OLD RUSSIAN LANGUAGES” BY F. I. BUSLAEV AS A MONUMENT
TO THE PHILOLOGICAL CULTURE OF THE XIXth CENTURY**

An analytical overview of the famous work by F. I. Buslaev “Historical Anthology of the Church Slavonic and Old Russian Languages” is offered. The facts of its creation are given. The structure and content of the work are considered. Its role in the formation of professional culture of the philologist and its influence on the subsequent tradition of preparation of historical and linguistic textbook is noted. Special emphasis is placed on the scientific value of the first complete textbook of historical monuments and the tradition that was developed after Buslaev’s publication.

Key words: history of linguistics, Slavistics, literary texts, folk literature, educational literature

REFERENCES

1. Bondarenko M. A. Methodological legacy of Fedor Ivanovich Buslaev (the 200th birthday anniversary). *Russkiy yazyk v shkole*. 2018. № 4. P. 42–47. (In Russ.)
2. Zlobina N. F. The concept of historicism in the philological heritage of F. I. Buslaev. The author’s abstract dis. ... Doctor of Philology. Moscow, 2010. 50 p. (In Russ.)
3. Kyzlasova I. L. History of studying Byzantine and Old Russian art in Russia (F. I. Buslaev, N. P. Kondakov: methods, ideas, theories). Moscow, 1985. 181 p. (In Russ.)
4. Nikitin O. V. Russian business writing as an ethnolinguistic source (on the material of monuments of North Russian monasteries of the XVIIIth century). Thesis for the degree of candidate of philological sciences. Moscow, 2000. 455 p. (In Russ.)
5. Nikitin O. V. Vasilij Evdokimovich Adodurov (To the 300th birthday anniversary). *Russkiy yazyk v shkole*. 2009. No 5. P. 104–110. (In Russ.)
6. Obnorsky S. P., Barkhudarov S. G. Anthology on the history of the Russian language: a guide for students of higher educational institutions. Part one. Leningrad, Moscow, 1938. 320 p. (In Russ.)
7. Obnorsky S. P., Barkhudarov S. G. Anthology on the history of the Russian language. Part two. Issue one. Moscow, 1949. 292 p. (In Russ.)
8. Obnorsky S. P., Barkhudarov S. G. Anthology on the history of the Russian language. Part two. Issue second. Moscow, 1948. 342 p. (In Russ.)
9. Smirnov S. V. F. I. Buslaev. Moscow, 1978. 96 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 16.04.2018